

Парадоксы однополярной мировой экономики

© 2009 Д.В. Кузьмин
кандидат экономических наук

Статья посвящена выявлению и систематизации факторов, определяющих устойчивость современной однополярной мировой экономики в условиях финансового кризиса. Рассмотрены внутренние противоречия современной однополярной экономической системы.

При написании статьи использованы статистические данные и аналитические обзоры Международного валютного фонда и Европейского центрального банка, материалы российской и мировой прессы.

Ключевые слова: однополярная мировая экономика, мировой кризис ликвидности, антициклическая политика.

Нынешний мировой финансовый кризис имеет много общих черт с локальными финансовыми кризисами конца XX в., нашедшими широкое отражение в отечественных и зарубежных экономических исследованиях. Главное его отличие в том, что на этот раз он носит не локальный, а глобальный характер - не столько в смысле необычно широкого распространения, сколько в смысле глубины источников. Начался он не на развивающихся рынках, а на развитых, и одно это уже дало повод наблюдателям задуматься.

Действительно, кризисы в Латинской Америке, Азии, России конца 1990-х гг. можно было рассматривать как первые не очень удачные экзамены неофитов глобальной экономики, сданные на "двойки" во многом по их собственной вине. Даже кризис европейской валютной системы 1992-1993 гг. носил локальный характер и стал неизбежным следствием встраивания в глобальную финансовую систему новой мощной интеграционной группировки - но не был кризисом самой глобальной финансовой системы.

Тот факт, что на этот раз эпицентром финансовых потрясений стали США, являющиеся "локомотивом" глобальной экономики, сделал кризис испытанием сложившейся в последние два-три десятилетия однополярной схемы взаимосвязей национальных экономик.

В своем выступлении на Санкт-Петербургском экономическом форуме 2009 г. Президент РФ Д.А. Медведев, заявив о необходимости построения многополярного мира, подчеркнул, что "искусственно поддерживаемая однополярная система базируется на одном большом центре потребления, финансируемом растущим дефицитом и, соответственно, растущей задолженностью, одной ранее сильной резервной валюте и одной доминирующей системе оценки активов и рисков"¹.

Насколько слаба современная однополярная мировая экономика и что ее до сих пор поддерживало?

С нашей точки зрения, существует несколько долгосрочных факторов устойчивости этой модели экономического мироустройства.

Первый из них - сохранение разрыва в уровне развития внутренних рынков США и его партнеров по внешней торговле. США - первоклассный мировой импортер, самый крупный рынок сбыта, в 2007 г. составивший 2020,4 млрд. долл. США². Эта позиция будет сохраняться, пока периферийные рынки остаются менее емкими, население - более бедным, а производственная кооперация между фирмами неразвита. Чем меньше компетенций освоено периферийными резидентами, тем больше экономических оснований разомкнуть внутренние цепочки ценности, т.е. остановиться на определенном этапе обработки исходного сырья, продавать промежуточную продукцию на экспорт (в страны, специализирующиеся на более высокотехнологичных звеньях цепочки ценности, в том числе в США), а собственное потребление обеспечивать за счет импорта (в том числе из этих самых стран).

Поэтому "обвалить" доллар, перестав кредитовать США, - значит специально ударить по импорту США и одновременно по экспорту его крупнейших торговых партнеров, что в условиях кризиса слишком большая роскошь для его крупнейших поставщиков.

Второй фактор - сохранение разрыва в уровне развития внутренних рынков США и его партнеров по инвестиционному сотрудничеству в странах с развивающимися рынками и различий в уровне бизнес-компетенций между США и его партнерами в странах с рынками развитыми.

Если добавить к объему экспорта США в последнем докризисном 2006 г. в сумме 1457,1 млрд.

¹ http://www.kremlin.ru/appears/2009/06/05/1416_type63374type63376type82634_217302.shtml.

² http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2008_e/section1_e/i13.xls.

долл.³ зарубежные продажи американских ТНК на сумму 1204,5 млрд. долл.⁴, мы получим более 2,5 трлн. долл. международных продаж, контролируемых страной непосредственно либо через зарубежные отделения транснациональных корпораций.

Между тем, для того чтобы функционировали региональные филиалы американских ТНК, необходимы стабильные условия не просто торговли, а зачастую - внутрифирменных трансфертов. И отказаться от поддержки американской валюты странами базирования региональных филиалов и подразделений американских ТНК в период нестабильности можно лишь в том случае, если есть краткосрочная альтернатива американскому капиталу (не только в форме финансовых активов, но и в совокупности компетенций в соответствующих отраслях), а также экстерналиям, возникающим в ходе осуществления американских инвестиций за рубеж.

Большая часть американских инвестиций сосредоточена в развитых странах, где эту альтернативу найти легче, однако в последние годы росла и доля развивающихся, особенно азиатских, более чувствительных к выгодам иностранных инвестиций в виде рабочих мест, доходов и существенного фактора экономического роста. Поскольку различаются фазы жизненных циклов рынков и ключевых продуктов США и его партнеров по инвестиционному сотрудничеству, сохраняется и взаимный интерес в обмене капиталами, "нивелирующем" эти различия, а, следовательно, - в стабильных условиях этого обмена.

Третий фактор, повышающий долгосрочную кризисную устойчивость США, - как ни парадоксально, их международная инвестиционная позиция чистого должника. Они являются должником не только потому, что имеют самый большой дефицит текущего счета платежного баланса, но еще и потому, что обладают высокой сравнительной инвестиционной привлекательностью.

О сохранении инвестиционной привлекательности США во время кризиса свидетельствует не только рост вложений в американские ценные бумаги, считающиеся одними из наиболее надежных финансовых в мире, но и более медленный спад прямых иностранных инвестиций в США, чем в другие развитые страны, прежде всего, в ЕС, во время нынешнего кризиса (в

2008 г. по сравнению с 2007 г. это падение в ЕС составило 31%, в Японии 23%, в США 6%)⁵.

Таким образом, США остаются пока не только лучшим мировым потребителем, но и лучшим "управляющим активами". Эта позиция экономики США будет устойчивой до тех пор, пока будут сохраняться относительная независимость динамики стоимости генерируемых ею финансовых активов от циклических колебаний рынков - как мировых (прежде всего, сырьевых), так и национальных, связанная с ней независимость монетарной политики США и, как следствие, потребность внутренне нестабильных периферийных экономик в существовании мировой резервной валюты.

Именно эта позиция подверглась испытанию на первом этапе нынешнего кризиса. Мы не будем здесь подробно останавливаться на его причинах, тем более, что это уже сделали многие авторитетные авторы⁶. Попробуем лишь интерпретировать причины кризиса как факторы ослабления краткосрочной устойчивости современной модели мировой экономики и сокращения названных выше "разрывов" между США и "остальным миром".

Очевидно, что экономика США в последнее десятилетие получила необычно широкий доступ к мировым финансовым ресурсам, аккумулярованным "остальным миром", и вела себя по принципу "дают - бери": раз кредитуют потребление и доверяют деньги в управление, управляя мировыми финансами (поскольку лучше тебя этого все равно никто не умеет делать) и за это - потребляй больше остальных.

Однако здесь возникают парадоксы однополярной мировой экономики.

Парадокс 1 - "неправильная" докризисная монетарная политика самой компетентной в этой области страны. То, что "остальной мир" из-за распространенной практики валютного таргетирования "проглядел" верхний порог внешних заимствований, понятно, - иначе быть и не могло по определению. Но парадоксально то, что США, которые традиционно практиковали более совершенные инструменты монетарной политики, валюта которых была "якорем" для массы более слабых национальных финансовых систем, потеряли свой собственный внутренний монетарный "якорь", которым длительное время

³ UNCTAD Handbook of Statistics, 2008. P. 8, 246. Access mode: www.unctad.org.

⁴ World Investment Report, 2008: Transnational Corporations and the Infrastructure Challenge. P. 220-223. Access mode: www.unctad.org.

⁵ Assessing the impact of the current financial and economic crisis on global FDI flows by UNCTAD, January 2009. P. 22. Access mode: www.unctad.org.

⁶ См., например: Кудрин А. Россия и мировой финансовый кризис // *Вопр. экономики*. 2009. №1; Мау В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // *Вопр. экономики*. 2009. №1.

были долгосрочные темпы роста ВВП, задаваемые запасами факторов производства во внутренней экономике⁷.

Существует мнение, что смягчение монетарной политики сверх этих границ было отчаянной попыткой подстегнуть темпы внутреннего экономического роста в США, чтобы не допустить смены мирового лидера по объему ВВП и доле в мировом производстве, которая неизбежна уже в течение 10-15 лет при сохранении нынешнего соотношения темпов роста⁸.

Допуская возможность возникновения подобного политического давления на ФРС (поскольку об истинных долгосрочных намерениях этой организации традиционно судить очень сложно), нельзя не обнаружить изначальную безнадёжность этой попытки: постиндустриальная экономика по определению не может расти теми же темпами, что и индустриальная. Эта закономерность⁹ не могла быть неизвестна монетарным властям США.

Как нам представляется, более вероятным было повторение монетарных подходов (обращаем внимание - именно подходов, а не инструментария) начала 30-х гг. прошлого века. Только тогда ФРС некоторое время пассивно наблюдала за массовым банкротством банков и сокращением денежного предложения, ожидая, что на уровне частного сектора сработают автоматические рыночные регуляторы восстановления. А в преддверии нынешнего кризиса она столь же пассивно трансформировала внешние притоки капитала в прирост внутренней денежной массы, ожидая, что на уровне частного сектора сработают автоматические рыночные регуляторы ограничения. И в том, и в другом случае монетарные власти полагались на "правильное" поведение субъектов экономической деятельности.

Но они перестают вести себя "правильно", когда исчезают обычные для рыночного механизма бюджетные ограничения. Американские финансовые структуры оказались в условиях избыточного притока капитала ненамного "правильнее", чем финансовые структуры периферийных экономик, в которых "приток капитала

может привести к кредитному буму и принятию чрезмерных рисков банками, что, в свою очередь, приведет к финансовому кризису"¹⁰. Американские банки, в отличие от периферийных, заранее позаботились о страховках своих рискованных кредитов, которыми их в нужном массовом количестве за определенную фиксированную плату снабдили ипотечные агентства, выпустив инновационный финансовый инструмент - кредитные свопы (CDS's). Эти свопы фактически и стали новым внутренним "якорем" для монетарной политики США. Стоимость свопов (фактически - величины страховых взносов для кредитных вложений разного класса) определялась не на рынке, а экспертным путем узкой группой лиц и оказалась оторванной от реальных рисков страхуемых активов.

Опыт нынешнего кризиса показал, что нарушение базового условия функционирования рыночной экономики - наличия ресурсных ограничений - пагубно сказывается даже на относительно совершенных финансовых системах. Образование глобального финансового центра, своеобразной глобальной монополии, привело к потере чувствительности системы к рискам, неадекватной оценке активов и в результате - к кризису ликвидности.

Поэтому в наличии четвертого "разрыва" между США и остальным миром скрывается внутреннее противоречие. Формально его присутствие способствует устойчивости однополярной глобальной финансовой системы, по существу же оно является первопричиной возникновения ее специфических циклических колебаний, которые продуцируются финансовыми институтами страны с мировой резервной валютой, утратившими внутренний монетарный "якорь". То есть фактор краткосрочной устойчивости однополярной мировой экономики является одновременно фактором ее краткосрочной неустойчивости.

Главный парадокс однополярной мировой экономики порождает цепочку вторичных парадоксальных процессов.

Парадокс 2 - устранение последствий избыточного финансирования через дополнительное финансирование. Условием выхода из любого кризиса является прекращение деятельности оказавшихся неэффективными рыночных структур, только лишь если кризис ужесточил бюджетные ограничения. Если же этого ужесточения не происходит (приток внешних капиталов не иссякает), не возникает мотивации проведения санации экономики. Американские ипотечные агентства, оказавшиеся основными виновниками кри-

⁷ Краеугольные теоретические основания монетарной политики были сформулированы задолго до нынешнего кризиса: *Friedman M., Shwartz A.J. A Monetary History of The United States, 1867-1960. Princeton, 1963; Friedman M., Shwartz A.J. Monetary Trends in The United States and The United Kingdom: Their Relation to Income, Prices and Interest Rates, 1867-1975. Chicago, 1982.*

⁸ *May B. Указ. соч.*

⁹ См., например: *Solow R.A. Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly J. of Economics. 1956. Feb.; Mankiw G.N., Romer D., Weil D.N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth // Quarterly J. of Economics. 1992. Vol. 107. No. 2. P. 407-437.*

¹⁰ *Mishkin F.S. The Economics of Money, Banking and Financial Markets. N.Y., 2007. P. 571.*

зиса, были избавлены от процедуры банкротства и де-факто национализированы, т.е. сохранили собственников, менеджмент и получили огромную финансовую помощь от правительства в виде льготных кредитов и выкупленных казначейских и агентских обязательств.

А преодоление последствий избыточно мягкой монетарной политики идет, как ни парадоксально, через еще более мягкую монетарную политику, которую дополняет еще и бюджетная экспансия. Общий объем государственных расходов на экономику за 2008-2009 гг. оценивается в 3,5 трлн. долларов, из которых на конец апреля 2009 г. государство уже использовало 2,2 трлн. долл.¹¹.

Таким образом, длительное отсутствие бюджетных ограничений для единственного “полюса” мировой экономики привело к утрате не только монетарного, но и бюджетного “якоря”, каким традиционно является предельное значение дефицита государственного бюджета, которое можно профинансировать неэмиссионным способом. Дефицит бюджета 2010 г. оценивается самим правительством США в 1,8 трлн. долл. против 450 млрд. долл. в 2009 г.¹²

Парадокс 3 - перекладывание издержек кризиса с финансового на реальный сектор экономики США. Так же, как большинство стран мира, США переживают кредитный кризис, несмотря на ослабление монетарной политики и бюджетную экспансию: при отрицательной реальной ставке рефинансирования во втором квартале 2009 г. ставки кредитования остаются высокими (рост спредов по “длинным” кредитам отмечали на начало 2009 г. около 80% респондентов¹³), а потребительское кредитование продолжает сокращаться (по 8-11 млрд. долл. в месяц)¹⁴.

В отличие от финансовых структур, виновных в кризисе ликвидности и не наказанных, крупнейшие предприятия реального сектора американской экономики, которые в этом кризисе не виноваты, ожидают банкротство или реструктуризация.

Основной удар приходится прежде всего на региональные филиалы ТНК, хотя сокращение рабочих мест неизбежно и в самих США. Три ведущих автомобильных компании, бывших олицетворением американской экономики, находятся в состоянии банкротства или накануне.

Социальная цена такого смещения финансовой ответственности высока (гораздо выше, чем

¹¹ Самонов Ю. Подъем с переворотом // Эксперт. 2009. №20. С. 34.

¹² Там же.

¹³ World Economic Outlook, 2009. April. Access mode: <http://www.imf.org>. P. 64.

¹⁴ Самонов Ю. Указ. соч. С. 34.

от банкротства несостоятельных финансовых структур), и, несмотря на это, она уплачивается.

Продажи региональных брендов - недавняя продажа “Опеля” канадской “Магне” и российскому Сбербанку в рамках банкротства “Дженерал моторз” и возможная продажа “Вольво” трем китайским производителям в рамках реструктуризации активов “Форда” - это пока хотя и очень крупные, но единичные сделки. При условии же длительной депрессии циклически низкий спрос на товары длительного пользования может превратить их в тенденцию. В этом случае будет ослаблен второй фундаментальный разрыв между США и “остальным миром”. В приведенном примере Китай получит доступ к нематериальным активам и “гудвиллам” “Вольво”, необходимым для инновационного развития китайского автомобилестроения.

Серьезные локальные альтернативы организационно-управленческой и технологической составляющим (ядру бизнес-компетенций) зарубежных инвестиций США, подобные названным, по нашему мнению, могут появиться лишь в средне- и долгосрочном периодах, так что в краткосрочном периоде этот фактор устойчивости будет действовать. Однако 2-й и 3-й парадоксы уже отражают явную тенденцию перехода власти и влияния в мировой экономике от ТНК и связанных с ними финансовых структур к государству и связанных с ним финансовым структурам. Парадоксальным является коренная перемена по ходу кризиса формы транснационализации мирового хозяйства. Финансовый капитал глобального центра, ранее обслуживавший ТНК, теперь обслуживает государство и сам обслуживается этим государством (равно как и периферийными государствами), что в корне противоречит не только первоначальной логике глобализации, но и всей либеральной идеологии, на которой строилась мировая экономическая политика последних десятилетий.

Парадокс 4 - Перекладывание издержек кризиса на “остальной мир”. Наиболее значительные ресурсы как до, так и во время (!) кризиса концентрирует та экономика, которая на протяжении длительного периода до кризиса демонстрировала наивысшую эффективность их использования, но которая при этом сама стала источником кризиса. За 2007-2008 гг. доля нерезидентов среди владельцев казначейских обязательств США возросла с 2,2 до 3,2 трлн. долл., а половина всех нынешних огромных бюджетных расходов финансируется за счет долгов¹⁵.

Положение США среди прочих мировых должников остается эксклюзивным; не виновата

¹⁵ Самонов Ю. Указ. соч. С. 34, 40.

тый в кризисе “остальной мир” вынужден экономить, в то время как расходы виновника кризиса растут: “Процентные ставки и снижение налогов, введенные в США перед лицом растущего торгового и бюджетного дефицита, считаются верхом лицемерия, учитывая программы жесткой экономии, к которым Вашингтон принудил другие страны с помощью МВФ и других инструментов влияния”¹⁶.

Действительно, если проанализировать рекомендации МВФ разным странам, с точки зрения необходимости профинансировать антикризисную программу США, можно обнаружить явную тенденцию.

Так, например, еще в октябре 2008 г. (когда в самих США кризис был уже в разгаре и его распространение на остальной мир было предопределено) ближневосточным экономикам был рекомендован “более медленный рост расходов в ближневосточных странах - экспортерах нефти, а также усиление внимания к устранению узких мест в области предложения”¹⁷.

Китай был предупрежден о том, что “остаётся возможность неожиданного увеличения внутреннего спроса”. Поэтому ему советовали стимулировать внутренний спрос (МВФ признал за ним пусть и не равного США, но конкурентоспособного производителя), но - за счет повышения курса юаня: “Увеличение гибкости обменного курса может расширить возможности для проведения более независимой денежно-кредитной политики и осуществления мер, направленных на переключение с внешних источников экономического роста на внутренние”¹⁸. Непонятно только, почему бы КНР не расширить внутренний спрос за счет налогово-бюджетной политики, так же, как самими США, тем более что в конце 2008 г. инфляция в КНР в годовом исчислении ненамного превышала американскую (5% против 3%)? Более того, неясно, как повышение курса может стимулировать внутренний экономический рост.

Заметим, что ни сырьевые экспортеры, ни Китай не являются клиентами МВФ, поскольку имеют собственные финансовые ресурсы. А те

страны, для которых кредиты МВФ жизненно важны, должны урезать самые необходимые бюджетные расходы.

Если “остальной мир” продолжит кредитование растущего бюджетного дефицита США, он примет бремя инфляции на себя. До сих пор так и происходило, и в нынешней бюджетной политике США сохраняется докризисная инерция однополярной экономики.

Парадокс 5 - потеря независимости монетарной политикой США в процессе кризиса. Майский 2009 г. визит Т. Гайтнера в КНР с целью получения гарантий продолжения финансирования правительства через покупку казначейских обязательств стал символическим, вне зависимости от его результатов. США фактически просят, чтобы к доллару привязывались, чтобы их финансы и денежную политику по-прежнему считали самыми сильными. *Финансовая система и монетарная политика США перестают быть независимыми от конъюнктуры экономик “остального мира”*. И в этом формате очень вероятная поддержка доллара будет действительно уже искусственной, так как *покупать доллар “остальной мир” будет не потому, что в США жесткая финансовая дисциплина, которая может быть импортирована, а потому, что она там слабая и ее надо поддерживать финансированием* - в отсутствие реальной альтернативы доллару в краткосрочном периоде и несмотря на очевидный экспорт из США в “остальной мир” издержек кризиса.

Примечательно, что в случае нехватки внешних заимствований при отказе “остального мира” от искусственного финансирования весьма специфических антикризисных программ США, ФРС не исключает наращивания монетарной базы¹⁹, т.е. готова войти в тот порочный круг, отсутствие которого во многом и делало финансовую систему США совершенной в сравнении с “остальным миром”.

Сохранятся ли фундаментальные разрывы между США и “остальным миром”, теперь во многом зависит от реакции последнего на кризис и на антикризисную политику США.

Поступила в редакцию 07.09.2009 г.

¹⁶ Hudson M. Washington cannot call all the shots // The Financial Times. 2009. June, 14.

¹⁷ Перспективы развития мировой экономики. 2008. Окт. Режим доступа://<http://www.imf.org/external/russian/index.htm>.

¹⁸ Там же. С. 39.

¹⁹ Лосев М. Дыры общего пользования // РБК. 2009. №5. С. 34.